

Глава 8

В следующую секунду Ван Мянъ заметил Гу Ци. Тот неторопливо подошел со стороны гостиной, распахнул створку внутрь и, глядя сквозь узкую, шириной в ладонь, решетку окна, усмехнулся с тонкой, злой издевкой.

Под вечным, безразличным сиянием луны железная решетка разделила мир надвое. Внутри дома царил сонный покой; снаружи вовсю лилась кровь. Опершись ладонью о подоконник, Гу Ци разглядывал бывших приятелей. На его губах играла легкая полуулыбка.

— Надо же, за дверью монстры? Мне тоже жутко, Ван Мянъ. Так с какой стати мне тебя впускать?

Ван Мянъ опешил. Лицо его мгновенно побелело.

В их памяти Гу Ци оставался все тем же забитым мальчишкой, которого безнаказанно третировал Гу И — жалким, обделенным родительской любовью заморышем. Они привыкли безнаказанно издеваться над ним, зная, что сдачи он дать не может и способен разве что жаловаться взрослым. Никто из них и помыслить не мог, что пройдет всего несколько дней, и их жизни окажутся в его руках.

Осознав всю безнадежность своего положения, Ван Мянъ вспомнил, как поддакивал Гу И, глумясь над младшим братом, и ледяной озноб продрал его до костей.

«Он мстит, — лихорадочно соображал парень. — Точно мстит, потому и не открывает!»

Но ведь заводилой всегда был Гу И! Он сам лишь пару раз поддакнул за компанию. Неужели этот паршивец настолько злопамятен?

— Гу Ци, это всё старые глупости! Я просто шутил, клянусь! Пожалуйста, открой дверь, умоляю!

Вцепившись в прутья решетки, Ван Мянъ готов был упасть на колени и расшибить лоб в поклоне.

— Впусти нас, скорее! Снаружи заражённые, они сейчас сожрут нас!

Стоило ему умолкнуть, как остальные тоже опомнились. Перебивая друг друга, они принялись наперебой вымаливать прощение.

— Прости нас, мы были идиотами!

— Открой, а? Мы больше никогда, слышишь, никогда не будем над тобой подшучивать!

— Это всё Гу И виноват! Завтра же мы начистим ему рожу ради тебя!

Гу Ци молча слушал этот жалкий хор. Улыбка медленно сползла с его лица — пустые вопли явно ему наскучили. Он небрежным жестом швырнул наружу тяжелый тесак, после чего захлопнул раму и задернул плотные шторы, отсекая улицу.

— Гу Ци! Нахрена ты нам этот нож выкинул?!

— Твою мать, не притворяйся трупом, открывай!

— Умоляем, Гу Ци, спаси нас, пожалуйста!

Всего за минуту толпа за окном скатилась от паники к полному безумию. Слезные мольбы сменялись бешеной руганью, истеричные вопли разносились по всему двору, неизбежно привлекая к дому тварей, рыскающих во тьме.

За секунду до того, как навалилась смерть, душу Ван Мян захлестнуло удушающее раскаяние. Если бы тогда, в прошлом, он не глумился над Гу Ци... остался бы он сейчас в живых?

В гостиной Лю Чэнь ошарашенно уставился на зашторенное окно.

— Гу... Гу Ци, а как же они? Там ведь...

— Не обращай внимания. Я проверю второй этаж, а ты устрой дядю Ли с тетей на отдых.

Голос Гу Ци звучал ровно и буднично, будто за стенами не раздавались предсмертные крики. Не оборачиваясь, он направился к лестнице.

Сухо сглотнув, Лю Чэнь поспешил увести супругов Ли в левую гостевую спальню. Закрыв за ними дверь, он собрался было подняться наверх, как вдруг в тишине дома раздался глухой, утробный рык.

Звук походил на сдавленный рокот хищника перед броском — тяжелый, вибрирующий, переходящий на высоких нотах в свистящий хрип. Так не мог звучать человек.

Лю Чэнь застыл на нижней ступеньке лестницы, так и не сделав шаг. Медленно, с замиранием сердца он повернул голову и обомлел: из дверей нижней спальни кто-то выходил.

Хотя нет, человеком это существо назвать было трудно. Перед ним предстал самый настоящий

монстр.

Исполинского роста, нагой и босой, он шел, пригнув голову, чтобы не задеть притолоку. От скул и ниже — по шее, груди, поджарой талии и бедрам — змеилась иссиня-черная чешуя. Позади него тяжело волочился длинный хвост. Пальцы, впившиеся в косяк, превратились в когтистую лапу; острые когти с противным скрежетом оставили на штукатурке глубокие борозды. Сделав шаг вперед, существо вскинуло голову, и из его груди вновь вырвалось грозное рычание.

В этом предупреждающем рыке хищника сквозила такая первобытная ярость, что у Лю Чэня волосы встали дыбом, а колени мгновенно подогнулись.

«Мамочки... это еще что за тварь?! Откуда она взялась?!»

Тварь приближалась. Лю Чэнь на неслушающихся ногах попятился назад, выставив перед собой тесак. Оружие ходило ходуном в его дрожащих руках.

— С-стой... не подходи, сука! Я... я единоборствами занимался! А мой бро — Гу Ци! Он таких, как ты, одной левой на ремни шинкует!

Поняв, что человеческая речь на чудовище не действует, парень решил заговорить на языке заражённых. Набрав в легкие воздуха, он дико завыл и зарычал, тщетно пытаясь запугать противника.

Монстр молча сделал еще шаг вперед.

С визгом швырнув бесполезное оружие, Лю Чэнь пулей взлетел по ступеням и со всего маху врезался в спускавшегося навстречу Гу Ци.

— Гу Ци! — запричитал он, едва не плача от ужаса и тыча пальцем вниз. — Там... там чудище! Огромное, в чешуе, когтищи во-о-от такие! Злой как черт, сожрать меня хотел!

Нахмурившись, Гу Ци мягко отстранил перепуганного друга и быстро спустился в гостиную.

Лю Чэнь еще долго сидел на корточках в безопасном полумраке лестничной площадки. Наконец, когда все звуки внизу стихли, он на цыпочках прокрался в холл. Его взору предстала неожиданная картина: Гу Ци сидел на полу, бережно прижимая к себе какого-то человека и укрывая его своей курткой.

Обернувшись на шаги, Гу Ци спокойно спросил:

— Ну и где твой монстр?

После недавнего пробуждения сверхспособностей тело Гу Ци окрепло, и держать на руках крупного Цзян Юя теперь не составляло для него особого труда.

«Да у тебя в руках!» — едва не ляпнул Лю Чэнь, но, присмотревшись, осекся.

Черная чешуя бесследно исчезла. На широких мужских плечах не осталось и следа уродства — лишь ровная, гладкая кожа. Парень мирно лежал на груди Гу Ци, а когда тот ободряюще похлопал его по спине, спящий вдруг завозился и доверчиво уткнулся носом ему в шею.

Ну точь-в-точь огромный пес.

Заметив ошарашенный взгляд товарища, Гу Ци коротко бросил:

— Запри входную дверь. Позже все объясню.

Затем он кивнул вышедшему на шум Ли Тяньсюну:

— Дядя Ли, присядьте пока, я сейчас вернусь.

С легкостью подняв спящего, Гу Ци унес его обратно в спальню.

В полузабытьи Цзян Юй снова потерялся о его грудь. Его тело горело в лихорадке, а сознание блуждало в дебрях тяжелого, липкого бреда.

Ему грезились невнятные, чужие голоса, шептавшие прямо над ухом, но слов было не разобрать. В этой вязкой темноте единственным ориентиром оставался силуэт Гу Ци. Тот ласково улыбался ему откуда-то издалека, а затем подходил ближе, держа в руках влажное полотенце, и бережно обтирал его разгоряченное тело.

Когда мягкая ткань коснулась его ног, сквозь гул лихорадки донесся тихий, баюкающий шепот:

«Не бойся. Скоро все пройдет, тебе станет легче»

Но видение мгновенно раскололось. Вот Гу Ци заботливо склоняется над ним, а в следующий миг он уже летит вниз с высоченной крепостной стены.

«Нет! Только не он! Не смей падать!»

Цзян Юй отчаянно рванулся вверх, силясь поймать, удержать, укрыть его в своих объятиях, но расстояние между ними оставалось непреодолимым.

И снова сон переменялся, унося его в далекое, безмятежное детство.

Тогда его мама была еще жива, и в их старом доме всегда звенел смех. Он вспомнил, как привел маленького А Ци к себе в гости. После купания они дурачились в постели, и А Ци затеял шуточную драку подушками. В нежном лунном свете лицо мальчика казалось почти ангельским. Оседлав друга, А Ци изо всех сил щекотал его и, потешно надув щеки, требовал:

— А ну зови меня старшим братом!

Затем воспоминания безжалостно швырнули его в кошмар юности. Дорога в школу, визг тормозов и тяжелый удар колес... Лицо водителя впечаталось в память навечно. Он готовился к смерти, но судьба проявила странную милость — он выжил, навсегда лишившись возможности ходить.

В тот день, когда врачи вынесли окончательный приговор, он случайно подслушал телефонный разговор отца. Тот холодно и буднично цедил в трубку:

«Калека не может стать преемником. Семье Цзян не нужен немощный наследник»

А дальше всё посыпалось прахом. Исчез Гу Ци, ушла из жизни мать. Отец быстро нашел замену и зажил счастливой жизнью в новой семье, оставив искалеченного сына один на один с глухой, беспросветной тьмой.

«Пожалуйста, не надо...»

Словно утопающий, Цзян Юй мертвой хваткой вцепился в единственный оставшийся источник тепла. Он безмолвно молил среди ночного кошмара: только не бросай меня.

Уложив Цзян Юя и убедившись, что его жизни ничего не угрожает, Гу Ци собрался выйти к остальным. Однако стоило ему приподняться, как больной мертвой хваткой вцепился в его предплечье.

Пальцы мужчины так немилосердно сдавили руку, что кости жалобно хрустнули, а горячая, как в лихорадке, кожа обожгла жаром.

Гу Ци опустил взгляд и встретился с открывшимися глазами Цзян Юя.

Вместо привычного взора на него смотрели холодные серебряные вертикальные зрачки. Вдоль позвоночника Гу Ци пробежала ледяная дрожь — так смотрит на жертву матерый, вышедший на охоту хищник.

В голове вихрем пронеслись панические мысли.

«Неужели эволюция сорвалась? Неужели он стал заражённым?»

Но на его лице не было зловещих темных вен, характерных для заражённых.

Не успел он додумать эту мысль, как запястье обдало резким холодом. Гу Ци опустил глаза и опешил: его руку обвило нечто черное, гибкое и прохладное, длиной около полуметра.

Лишь спустя пару секунд до него дошло — это хвост Цзян Юя.

Покрытый мелкой угольной чешуей, он казался жестким, но на ощупь оказался на удивление мягким и упругим, сужаясь к кончику до толщины мизинца.

В прошлой жизни хвост Цзян Юя достигал полутора метров в длину и был настолько мощным, что одним ударом мог перебить хребет сильному Эсперу. Сейчас же этот гибкий отросток лишь уязвимо и отчаянно оплетал его руку.

Гу Ци поднял взгляд. Глаза Цзян Юя опасно заалели, и он, из последних сил удерживая его за рукав, прохрипел:

— А Ци... не уходи...

В то же самое время на вилле семьи Гу тоже было беспокойно.

Младший брат, Сяо Ци, бережно обтирал влажным полотенцем раны бесчувственной матери, в то время как Гу И, забившись в угол гостиной, лихорадочно прижимал к уху мобильный.

Сначала он пытался дозвониться до полиции и скорой. В дежурной части ответили, но на заднем фоне стоял такой дикий ор и грохот, что трубку почти сразу бросили. До медиков было вовсе не достучаться. Гу И принялся набирать номера знакомых, друзей, дальних родственников, но новости у всех были одна хуже другой.

«У приятеля дома то же дерьмо творится...» — Гу И тупо уставился на погасший экран.

Внутри у него все заледенело. Это безумие охватило не только их особняк — весь мир летел к чертям прямо у него на глазах.

С самого детства Гу И обожал фильмы о заражённых, так что мысль о конце света не вызывала

у него отторжения. Сидя на полу по-турецки, он быстро справился с первоначальной паникой. На смену страху неожиданно пришло лихорадочное возбуждение.

«Ведь это же настоящий апокалипсис! Больше никакой учебы, никакого контроля со стороны заносчивого Гу Яня или матери. Теперь я волен делать все, что вздумается. Кто знает, вдруг именно мне суждено стать крутым героем, грозой этого нового, дикого мира?»

От этих мыслей у парня даже ладони вспотели от предвкушения. Умом он никогда не блистал, зато наглости и безрассудства ему было не занимать. Ему прямо сейчас нестерпимо захотелось спуститься вниз и прикончить парочку заражённых ради пробы сил.

Однако влажные мечты прервал испуганный голосок младшего брата:

— Второй брат, мама никак не приходит в себя. И лекарств в аптечке почти не осталось. Что нам делать?

Гу И вздрогнул, мгновенно вернувшись к суровой реальности. Он перевел взгляд на мать.

Женщину укусили за предплечье во время безумной суматохи. Теперь она горела в лихорадке, лицо ее покрылось болезненным пунцовым румянцем, а дыхание было прерывистым и тяжелым. Положение казалось отчаянным.

Они никогда не держали дома запаса медикаментов. Да что там лекарства — у них даже продуктов не было! Все съестные припасы ушли на злополучный банкет и были испорчены или выброшены, в кладовой не осталось ни крошки.

Парень нахмурился, не зная, за что хвататься.

По законам жанра ему сейчас следовало вооружиться крутым дробовиком и отправиться косить мертвецов пачками, однако суровая реальность ткнула его носом в то, что он не способен раздобыть даже копеечный жаропонижающий порошок.

— Второй брат, побудь с ней, — негромко произнес Сяо Ци. — Я схожу поищу лекарства.

— И где ты их найдешь? — Гу И скептически оглядел щуплого мальчишку. — Первый же встречный заражённый сожрет тебя и не подавится.

Сяо Ци замялся, но все же нерешительно предложил:

— К... к Третьему брату пойду. Он в последнее время столько всего накупил: и оружие у него есть, и еда. У него точно найдется чем помочь маме.

Гу И опешил. В его голове мгновенно всплыла утренняя картина: горы коробок и те самые тяжелые стальные тесаки, которые привезли Гу Ци.

Конечно, это не автоматы, но для начала сойдет ведь, верно?

<http://bllate.org/book/18976/2160600>